

НЕ МОЕ ДЕЛО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Я — Стив Хармас, иностранный корреспондент газеты «Нью-Йорк кларион». С 1940 по 1945 год мы с коллегами жили в гостинице «Савой» — рассказывали американцам, как воюет Британия. Но когда союзные войска оккупировали Европу, мне пришлось расстаться с уютным отелем и его коктейль-баром. Сподвигнуть меня на такой шаг было не легче, чем оторвать ракушку от стены, но в конце концов я поддался на уговоры редактора. Он все твердил, что такой опыт положительно скажется на моей карьере. Разумеется, карьера моя где была, там и осталась, но приключений на пятую точку я нажил предостаточно.

Когда Германия сдалась, я решил: довольно с меня тягот и лишений военного времени. Поменявшись местами с одним сослуживцем (без его ведома, конечно), я вернулся в Америку, поближе к его карточкам на двухфунтовые стейки.

Через пару месяцев мне предложили написать серию статей о послевоенной Британии. В то время Англия переживала нехватку виски, и новое задание меня не обрадовало. С другой стороны, когда я последний раз был в Лондоне, там жила девушка по имени Нетта Скотт. Вот с ней мне очень хотелось повидаться.

Только не поймите меня неправильно. Я не был влюблен, но Нетта помогла мне, чужаку, шикарно провести время в чужой стране, и я считал, что нужно отплатить услугой за услуги. Раз представилась возможность, грех ею не воспользоваться.

Дело было так. По пути на работу я просматривал карту скачек, все еще размышляя, соглашаться ли на командировку

в Англию. Оказалось, после обеда побежит лошадка по кличке Нетта. Шансов на победу у нее было немного, шла она «десять к одному», но я интуитивно решил на нее поставить. Выложил пять сотен и, весь на нервах, уселся возле радио в ожидании результата.

Каким-то чудом та лошадка пришла первой. Именно тогда я решил разделить с Неттой пять тысяч долларов выигрывать и сел на первый самолет до Англии.

До чего же приятно: ввалюсь без приглашения и выложу на стол пять сотен новеньких, хрустящих купюр по одному фунту. Нетта любит деньги, представляю себе ее реакцию. Она вечно ворчала, что ей не хватает на жизнь; я неоднократно предлагал свою помощь, но она всегда отказывалась. Да, она запомнит этот момент. Ну а я погашу свой долг.

Мы познакомились в 1942 году, в роскошном ночном клубе, расположенном в здании Брутон-мьюз, что в районе Мейфэр. Нетта была платной танцовщицей; и если кто-то скажет, что платные танцовщицы только и делают, что прохлаждаются, — не верьте. Мышцы у них покрепче, чем у Эда Льюиса по прозвищу Душитель, а все потому, что девушкам приходится отбиваться от усталых, но назойливых бизнесменов. По долгу службы Нетта разводила недотеп вроде меня на дрянное шампанское (пять фунтов за бутылку). Удовольствие вывести ее на танцпол размером с носовой платок стоило десять шиллингов.

Местечко называлось «Блю-клуб». Заведовал там сомнительный тип по имени Джек Брэдли. Пару раз я с ним встречался. Его боялись все девушки, кроме Нетты, — та вообще никого не боялась.

Чтобы устроиться к Брэдли танцовщицей, нужно было отработать с ним ночную смену. Я слышал, что Нетта тоже через это прошла, но по-своему. Для начала она разбила о голову Брэдли дорогущую картину, так что рама повисла у него на бычьей шее; а потом они мирно уселись за чтение глянце-

вых журналов. Может, мне соврали. Нетта об этом не распространялась. Но, зная ее, не удивлюсь, если все так и было.

Думаю, клуб приносил Джеку неплохую прибыль. Бывали там по большей части американские офицеры и американские же репортеры, а у этой публики полны карманы денег. В «Блю-клубе» было на что потратиться: первоклассный оркестр, отличная еда, сговорчивые красотки. И все по заоблачному ценнику. Прежде чем взглянуть на счет, стоило надеть кислородную маску.

В клубе работало двенадцать девушек. Я выбрал Нетту с первого взгляда.

Она была просто прелесть: волосы рыжие, кожа сливочная, а щеки румяные, что твой персик.

Обычно я сперва смотрю на фигуру. Так случилось и в этот раз. С Нетты можно было писать картину о первородном грехе. На своем веку я повидал немало роскошных девушек, но Нетта превзошла их всех. Как сказал мой приятель Гарри Бикс, бывалый бомбардировщик: «Будь у мыши пара лыж, она бы с ветерком скатилась по этим склонам. Хотел бы я оказаться той мышью!»

Да, просто прелесть. Очень красивая — такой, знаете, грубоватой красотой искушенной женщины. Сразу видно, что знакома с жизнью не понаслышке. Если надеешься выйти с ней на результат, нельзя церемониться. Будь готов биться без перчаток. И даже в этом случае тебя, скорее всего, отправят в нокаут.

Чтобы расплавить броню Нетты, мне пришлось повозиться. Сперва я был для нее очередным клиентом; затем она стала подозревать, что я ищу любовных приключений. Наконец до нее дошло, что мне одиноко в чужом городе и я хочу с ней подружиться.

Я ходил в «Блю-клуб» каждый вечер. Где-то через месяц Нетта сказала: «Обойдемся без шампанского». Я понял, что делаю успехи. Однажды вечером она предложила: не сходить

ли нам в Кью-Гарденз полюбоваться колокольчиками? Как насчет следующего воскресенья? Очевидно, дела мои шли в гору.

В итоге мы стали видаться весьма часто. Я забирал Нетту из квартирки на Кромвель-роуд и вез ее в «Блю-клуб».

Время от времени мы ужинали в «Вэнити-фэйр»; иногда она приезжала в «Савой», и мы вместе ходили в гриль-бар. Нетта оказалась отличной подружкой, готовой и посмеяться, и поговорить на серьезные темы — в зависимости от моего настроения. А еще она почти не пьянела, хоть нам и случалось крепко выпить.

Кем она была для меня? Пожалуй, защитным клапаном. Когда работаешь вполсилы, то и дело накатывает смертная скука, а Нетта помогала с ней справиться. Благодаря Нетте я вспоминаю Лондон добрым словом.

Наконец мы стали спать вместе. Пару раз в месяц, не чаще. В этом не было ничего личного; как и другие наши занятия, близость почти ничего не значила. Мы не были влюблены друг в друга. В общении Нетта всегда держала дистанцию, хоть и весьма короткую.

Она ни разу не спрашивала, женат ли я, где живу и чем займусь после войны; ни разу не намекнула, что хотела бы уехать со мной в Штаты. Я же пытался расспросить ее о прошлом, но безуспешно. Нетта считала, что на нас в любое время может упасть бомба или ракета. А пока нужно ловить момент и наслаждаться жизнью. Она была словно обернута целлофановой пленкой. Я видел Нетту и мог дотронуться до обертки, но не более. Как ни странно, меня это устраивало. Мне не нужно было знать, кто ее отец, есть ли у нее братья, сестры или муж-солдат, исполняющий свой долг за границей. Я хотел лишь одного: чтобы у меня была веселая подружка. Нетта отлично справлялась с этой ролью.

Наши отношения длились два года. Затем мне велели отбыть с оккупационными войсками, и пришло время расстаться.

Мы попрощались так, словно встретимся завтра вечером, хотя я знал, что в лучшем случае мы увидимся через год, а в худшем — не увидимся никогда. Нетта тоже это понимала.

— Пока, Стив, — сказала она, когда я высадил ее у подъезда. — Домой не приглашаю. Давай прощаться здесь, и побыстрее. Может, еще свидимся.

— Конечно свидимся, — заверил я.

Мы поцеловались. Ничего особенного, никаких слез. Она поднялась на крыльцо и закрыла за собой дверь, ни разу не оглянувшись.

Я собирался написать ей, но руки так и не дошли. Нас сразу же перебросили во Францию, где события приняли такой крутой оборот, что в первый месяц мне было не до писем. Потом я решил, что лучше мне забыть Нетту. И забыл. А когда вернулся в Америку, вспомнил снова. Я не видел Нетту почти два года, но оказалось, что черты ее лица, изгибы ее тела так впечатались в мою память, словно мы разошлись пару часов назад. В объятиях других девушек я пытался найти покой. Но избавиться от воспоминаний оказалось не так-то просто.

Итак, я заметил ту лошадку, сделал ставку и сорвал куш. Теперь я знал, что снова увижу Нетту, и был этому рад.

Жарким августовским вечером, проделав долгий и утомительный путь из Престуика, я приехал в Лондон. У меня был забронирован номер в гостинице «Савой»; я сразу же отправился туда, перемолвился с администратором (казалось, он рад меня видеть) и поднялся к себе, в комнату с видом на Темзу. Приняв душ и пару стопок виски, я спустился в канцелярию и попросил выдать пятьсот купюр по одному фунту. Просьба, понятно, не из простых, но меня там хорошо знали, и я мог рассчитывать на помощь. Деньги мне отсчитали через несколько минут — так спокойно, словно то была пачка автобусных билетов.

Часы показывали половину седьмого; в такое время Нетта должна быть дома. С семи до восьми она обычно прихорашивается перед работой.

Ожидая такси (людей в очереди было не много, но все как один — важные персоны), я спросил администратора, не закрылся ли «Блю-клуб». Оказалось, не закрылся; но с тех пор, как там поставили пару сомнительных столов для игры в рулетку, репутация у клуба подмокла.

За последние полгода «Блю-клуб» пережил два полицейских рейда, и оба раза его не смогли прикрыть из-за недостатка улик. Похоже, Джек Брэдли был на шаг впереди полицейских.

Наконец я дождался своей очереди. После недолгой перепалки с администратором водитель согласился отвезти меня на Кромвель-роуд.

В десять минут восьмого я подъехал к дому Нетты. Расплатившись с таксистом, встал на краю тротуара и взглянул на последний этаж, на окна ее квартиры.

Домишко был унылый, как и все строения в закоулках Кромвель-роуд. Высоченный подъезд на три квартиры; весь замызганный, а занавески на окнах — отдельная песня. Но в квартире Нетты все еще красовались ярко-оранжевые шторы — их я хорошо помнил. А вдруг я столкнусь с ее новым любовником? Подумав, я все же решил попытать счастья, открыл входную дверь и начал подниматься по лестнице, покрытой ковром из кокосового волокна. Мне предстояло осилить три пролета.

Лестница пробудила во мне массу приятных воспоминаний. Бывало, ночью мы украдкой пробирались наверх, держа обувь в руках, чтобы не потревожить миссис Крокетт, домовладелицу (она, по обыкновению, таилась в засаде на цокольном этаже). Однажды, после участия в налете Королевских воздушных сил на Берлин, я приехал сюда в пять утра: из-за волнения мне было не до сна. Не терпелось рассказать Нетте о своем приключении. И что вы думаете? Ее не оказалось дома. Я решил подождать, присел на ступеньку и в итоге задремал; обнаружив меня, миссис Крокетт пригрозила вызвать полицию.

Проходя мимо дверей, я понял, что до сих пор не знаю, кто за ними живет. За время общения с Неттой я ни разу не видел ее соседей. Дыша тяжелее обычного, я остановился у нужной квартиры, немного помедлил и нажал на кнопку звонка.

Все было в точности как прежде. К двери прикручена все та же крошечная медная рамка, а в ней — карточка с именем Нетты. А вот и длинная царапина на краске; однажды, будучи навеселе, я не попал ключом в замочную скважину. У входа — старый добрый шерстяной коврик. Я обнаружил, что ладони мои стали влажными, а сердце бьется чуть быстрее обычного. Внезапно я понял, как много Нетта значит для меня. А ведь мы так давно не виделись.

Я надавил на звонок, подождал, ничего не услышал и снова надавил на звонок.

Мне никто не открыл. Наверное, Нетта в ванной. Подождав несколько секунд, я опять позвонил.

Из-за спины сказали:

— Там никого нет.

Обернувшись, я посмотрел вниз, в короткий лестничный пролет. В дверях второй квартиры, задрвав голову, стоял здоровенный парень лет тридцати, широкоплечий и неплохо сложенный, но совсем не мускулистый: фигура как у метателя молота, но размякшая, уже заплывающая жирком. Парень смотрел на меня с едва заметной улыбкой, словно огромный сонный котяра, равнодушный, самодовольный, самоуверенный. Луч заходящего солнца, пробившись сквозь запачканное окно, отразился от золотой фикса, и зубы парня вдруг пришли в движение.

— Здравствуй, милый, — произнес он. — Ты, видать, из ее дружков?

Парень едва заметно шепелявил, а его соломенные волосы были коротко подстрижены. На нем был черный с желтым халат, застегнутый на все пуговицы, пижамные брюки цвета электрик и пурпурные шлепанцы. Не человек, а загляденье. Эльф, не иначе.

— Вот ведь нечисть, — буркнул я. — Что ж тебе в лесу не сидится? — И снова повернулся к двери.

Парень хихикнул. Звук был неприятный, шипящий. По непонятной причине я занервничал.

— Нет там никого, милый, — повторил он и шепотом добавил: — Умерла она.

Оставив в покое звонок, я снова повернулся и посмотрел вниз. Парень, приподняв брови, слегка покачал головой.

— Не расслышал? — И он улыбнулся, словно вспомнил шутку, известную только ему.

— Умерла? — переспросил я, отстраняясь от двери.

— Верно, милый, — сказал парень; прислонившись к дверному косяку, он окинул меня игривым взглядом. — Вчера и умерла. Ты принюхайся, до сих пор газом воняет. — Дотронувшись до горла, он вздрогнул. — Я сам вчера чуть не задохнулся.

Спустившись, я встал прямо перед ним. Парень был на дюйм повыше меня и значительно шире в плечах, но я понимал, что со мной он бодаться не рискнет.

— Слышь, жирный, — сказал я. — Уймись и выкладывай, как все было. Какой еще газ? Что за бред?

— Ты заходи, милый, — пригласил он, глупо улыбаясь. — Я и расскажу.

Я хотел было отказаться, но парень вальяжно удалился в большую комнату. Пришлось идти следом. Воздух в комнате был затхлый, а старинную мебель, похоже, никто не протирал.

Всем своим весом парень рухнул в огромное кресло, подняв в воздух густое облако пыли.

— Ты уж прости меня за этот хлев, — извинился он, с отвращением оглядывая комнату. — Миссис Крокетт — та еще неряха. Никогда не прибирается. Ты же не думаешь, что я сам буду наводить здесь порядок, верно, милый? Жизнь слишком коротка. Человеку моих способностей негоже тратить время на уборку.

— Хватит корчить из себя Оскара Уайльда, — нетерпеливо произнес я. — Ты сказал, что Нетта Скотт умерла.

Снова улыбнувшись мне, парень кивнул:

— Какая жалость. Была ведь восхитительная девушка: красавица, да с такой фигуркой, да такая энергичная. И вот, пошла червям на корм. — Он вздохнул. — Правильно говорят, что перед смертью все равны.

— Как это случилось? — спросил я, борясь с искушением схватить парня за жирное горло и вытряхнуть из него всю душу.

— Наложила на себя руки, — скорбно ответил он. — Жуткое дело. Полицейские носятся по лестнице, то вверх, то вниз... «скорая»... врачи... миссис Крокетт орет как резаная... а та жирная сука с первого этажа все злорадствует... на улице толпа зевак, и все хотят взглянуть на останки... отвратительно, просто отвратительно. И еще этот запах газа во всем доме, целый день. Жуткое дело, милый; такое жуткое, что жутче не бывает.

— То есть она отравилась газом? — похолодев, уточнил я.

— Именно так. Бедняжка. Все щели в комнате проклеены липкой лентой... в несколько слоев. Духовка включена на полную. Теперь буду вспоминать об этом всякий раз, как случится покупать липкую ленту, — монотонно гудел парень, словно выдавая сокровенные тайны.

Меня беспокоила улыбка, не сходящая у него с лица.

— Понятно. — Я развернулся.

Ну вот и все. Внутри у меня стало пусто. Я чувствовал легкую тошноту и бесконечную грусть.

«Что же ты не дождалась меня, Нетта? — думал я. — Всего сутки. Вместе мы бы справились с любой бедой».

— Спасибо, — сказал я, открывая дверь.

— Не стоит благодарности, милый. — Поднявшись с кресла, парень вышел за мной на площадку. — Всегда рад помочь, хоть и повод печальный. Вижу, ты сильно переживаешь. Но ты справишься. Ныряй в работу; ведь работа — лучший лекарь.

Как там у Байрона? «Во время дела нет времени для слез»¹. Хотя ты, наверное, равнодушен к Байрону. Такое бывает.

Я смотрел сквозь парня, не вслушиваясь в его слова. Из прошлого доносился голос Нетты: «И этот дурень покончил с собой? Не хватило храбрости взглянуть в будущее? Нет, что бы я ни сделала, готова сполна за это расплатиться. Самоубийство — не для меня».

Тогда мы читали об одном миллионере; тот, психанув на ровном месте, вышиб себе мозги. Я вспомнил, с каким лицом Нетта произнесла эти слова, и почувствовал, словно щеки моей коснулся холодный ветерок.

Что-то здесь не так. Нетта ни за что не лишила бы себя жизни.

Надвинув шляпу на брови, я нащупал в кармане сигареты и протянул пачку собеседнику:

— Почему она это сделала?

— Меня зовут Юлиус Коул, — сказал эльф, выудив сигарету щипком неухоженных пальцев. — Ты ее друг?

Я кивнул:

— Пару лет назад мы общались. — Я дал ему прикурить, после чего закурил сам.

— Значит, повелась на американца, — с улыбкой произнес парень; казалось, он говорит сам с собой. — А американец, значит, повелся на нее; неудивительно — с такой-то фигурой, с таким-то личиком. — Он сонно посмотрел на меня. — Вот бы узнать, сколько английских девушек изнасиловали американские солдаты. Точное число; интересно, правда? Я считаю, такая статистика очень важна. — Он безвольно приподнял широкие плечи. — Хотя это, пожалуй, пустая трата времени, — добавил он, покачивая головой.

— Как все случилось? — напрямик спросил я.

— Хочешь узнать, почему она так поступила? — мягко поправил меня парень и снова приподнял плечи. Шелковый

---

¹ «Двое Фоскари», перевод А. Соколовского. — *Примеч. перев.*

халат затрепал по швам. — Это загадка, милый. Никакой записки... в сумочке пять фунтов... в холодильнике полно еды... никаких любовных писем... никто ничего не знает. — Шевельнув бровями, он улыбнулся. — Возможно, носила ребенка.

У меня не было сил продолжать этот разговор. Беседовать с ним о Нетте — все равно что читать надписи на стене общественной уборной.

— Что ж, спасибо. — Я пошел вниз по лестнице.

— Не за что, милый, — сказал парень. — Какая жалость. Ты, как вижу, совсем приуныл. — Вернувшись в квартиру, он прикрыл за собой дверь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Миссис Крокетт была миниатюрной пожилой дамой с блестящими недоверчивыми глазами и тонкогубым ртом, искривленным в осуждающей гримаске.

Я видел, что она меня не узнаёт. Наверное, решила, что пожаловал охочий до сплетен газетчик. Она вглядывалась в меня из-за приоткрытой двери, готовая захлопнуть ее в любой момент.

— Чего вам надо? — гнусаво осведомилась она. — Проваливайте. Некогда мне отвечать на глупые вопросы, других дел хватает.

— Вы не припоминаете меня, миссис Крокетт? — спросил я. — Стив Хармас, друг мисс Скотт.

— Друг, значит? — произнесла она. — Из любовничков. — Смерив меня строгим взглядом, она кивнула. — Да, я вас вроде как видела. Слыхали, что с нею стряслось?

Я кивнул:

— Слыхал. Я хотел поговорить с вами о Нетте. У нее остались долги? Если да, я их погашу.

Во взгляде старухи мелькнула то ли жадность, то ли практический расчет.

— Была должна за месяц, — быстро сообщила она. — Я-то думала, мне денег не видать. Но раз вы отдаете ее долги, я заберу. Да вы заходите.

Я прошел за ней по темному коридору, провонявшему кошками и тушеной капустой, и оказался в грязной, мрачной комнате, заставленной мебелью из бамбука.

— Значит, Нетта вам задолжала? — Я внимательно смотрел на старуху.

Чуть помедлив, она ответила:

— Вообще-то, нет. Она всегда платила вперед — что было, то было. Но если квартира освобождается, надобно или уведомить за месяц, или платить. Такое условие.

— Понятно, — сказал я. — Как думаете, почему она сделала то, что сделала?

Посмотрев на меня, миссис Крокетт отвела взгляд.

— А мне почему знать? — сердито спросила она. — Я в ее дела не лезла. Знать ничего не знаю. — Губы ее сжались в тонкую линию. — Пропащая была. Не нужно было пущать ее в жильцы. Надо ж, в моем-то доме, и такое позорище.

— Когда это случилось?

— Позапрошлой ночью. Мистер Коул унюхал, что газом тянет, и тут же позвонил. Я к ней, а она, дуреха, не открывает. Ну я и поняла, что случилось. — Жесткие глаза сверкнули. — Так я огорчилась, хоть плачь. А мистер Коул вызвал полицию.

— Вы ее видели?

Миссис Крокетт отшатнулась:

— Кто? Я? Чтоб покойница ко мне во снах шастала? Ну уж нет. Мистер Коул ее опознал. Он у нас мужчина деликатный, да. Он же ее знал получше моего; чуть что услышит, так сразу в дверь высовывается.

— Ладно. — Я достал бумажник. — У вас есть ключ от ее квартиры?

— А что, если и так? — с подозрением спросила старуха. — Вам-то что за дело?

— Хочу его одолжить, — ответил я, выкладывая на стол фунтовые купюры. Миссис Крокетт следила за каждым моим

движением. — Скажем, двадцать пять фунтов. Плюс десять фунтов за ключ.

— С чего бы? — Старуха быстро задышала, а глаза ее сверкнули ярче прежнего.

— Хочу осмотреть комнату, только и всего. Полагаю, там все как было... Ведь никто ничего не трогал?

— Как было, так и есть; полицейские сказали, чтоб никто не лазил. Хотят найти ее родню. Как по мне, так черта с два; никого не отыщут. Знать не знаю, что станет с вещичками. Хоть как, но надо же все убирать, чтоб квартирка не простаивала.

— У нее есть родственники?

— Никто о ней ничего не знает. — Миссис Крокетт шмыгнула носом. — А если полицейские кого и найдут, то попомните мое слово: родственнички у ней тоже окажутся пропащие.

— Дайте, пожалуйста, ключ, — попросил я, пододвигая стопку денег к старухе. Та, сомневаясь, качнула головой.

— Полиции это не понравится, — заметила она, глядя мимо меня.

— Вот десять фунтов, чтобы унять вашу совесть, — напомнил я. — Не хотите — как хотите.

Выдвинув ящик буфета, старуха достала ключ и положила его на стол.

— От вас, богатеев, честным людям одни неприятности, — заметила она.

— Внесу эту фразу в свой список афоризмов, — пообещал я, забрал ключ и подтолкнул деньги еще ближе к миссис Крокетт. Меня уже начинало от нее мутить.

Схватив купюры, старуха сунула их в карман передника.

— Только побыстрее верните ключ, — сказала она. — И ничего не выносите из квартиры.

Я кивнул и вышел.

Поднимаясь по ступеням, я остановился у первой квартиры. К двери была прикручена табличка с надписью «Мэдж Кеннитт». Я вспомнил слова Юлиуса Коула: «А та жирная

сука с первого этажа все злорадствует». Кивнув, я пошел дальше и наконец оказался у двери в квартиру Нетты. Вставил ключ в замочную скважину, повернул ручку и тихонько толкнул дверь. Та распахнулась. Я прошел в гостиную. Повернувшись, чтобы закрыть дверь, я увидел, что Юлиус Коул следит за мной, высунувшись из своей берлоги. Брови его были приподняты, а голова неодобрительно покачивалась. Притворившись, что не вижу его, я закрыл дверь и запер ее на засов.

Несмотря на открытые окна, в помещении стоял легкий, но отчетливый запах газа. Я окинул взглядом комнату, мне было грустно и слегка не по себе.

С моего последнего визита обстановка не сильно изменилась. Нетта переставила пару кресел, но новой мебели не было. Стены, как и прежде, были украшены фривольными разворотами из американских и французских журналов.

Однажды я спросил Нетту, зачем она повесила эти картины. «Парням такое нравится, — объяснила она. — И они отвлекаются от меня. Если человек скучный, картинки его шокируют, и он больше сюда не приходит. Как видишь, у меня все продумано».

На каминной полке стояла коллекция фарфоровых статуэток — штук тридцать разных зверей. Некоторые подарил я. Я подошел посмотреть, на месте ли мои. Они никуда не делись. Я повертел в руках очаровательную фигурку Бэмби из диснеевского мультфильма. Вспомнил, как она нравилась Нетте. Она считала Бэмби жемчужиной своей коллекции. Наверное, не зря.

Вернув безделушку на место, я сунул руки в карманы и прошелся по комнате. Только сейчас до меня начало доходить, что Нетта мертва и я больше не увижу ее.

Не думал, что буду горевать по такому поводу. Оказалось, ошибался. А еще меня волновали обстоятельства ее смерти. Я не мог поверить, что Нетта покончила с собой.

Не такой она человек. До войны я работал криминальным репортером. Повидал сотни квартир, где жили самоубийцы.

Там ощущалась особая атмосфера, а в комнате Нетты ее не было. Не знаю почему, но я просто не мог поверить, что здесь произошло самоубийство.

Я подошел к дубовому письменному столу и заглянул в выдвинутой ящик. Пузырек чернил и пара карандашей, больше ничего. Я проверил ниши под столешницей. Когда мы с Неттой встречались, они были забиты письмами, счетами, прочими бумагами. Сейчас там ничего не было.

Я посмотрел в камин, ожидая увидеть там кучку пепла от сожженных бумаг. Но в камине было пусто. «Странно», — подумал я, сдвинул шляпу на затылок, снова взглянул на стол и нахмурился. Да, странно.

В коридоре раздался едва слышный звук, и я вздрогнул. Кто-то царапался в дверь.

— Впусти меня, милый, — шептал с той стороны Юлиус Коул. — Я тоже хочу посмотреть.

Поморщившись, я на цыпочках пересек комнату и оказался на кухне. Дверца маленькой духовки была приоткрыта. В дальнем углу лежала диванная подушка апельсинового цвета. Должно быть, Нетта положила ее под голову в духовку, чтобы не было жестко. Думать об этом было неприятно, так что я прошел в спальню.

Комната была просторная, светлая. Большую ее часть занимала огромная двуспальная тахта. Рядом с ней находился встроенный гардеробный шкаф, а у окна — маленький туалетный столик. Обои — бледно-желтые с зеленым. Ни картин, ни других украшений.

Закрыв дверь, я устался на тахту. Нахлынули воспоминания. Лишь через несколько минут я прошел к туалетному столику и взглянул на впечатляющий набор бутылочек, тюбиков с кремом и прочей косметики, в беспорядке разбросанной по засыпанному пудрой стеклу. Я выдвинул ящики. В них был обычный девичий хлам: носовые платки, шелковые шарфики, кожаные пояски, перчатки, дешевая бижутерия. Сунув указательный палец в картонную коробку, я поворошил еже-

релья, браслеты, кольца. Ничего примечательного. Я вспомнил о бриллиантовом браслете и бриллиантовой же булавке для галстука. Нетта так ими гордилась. Браслет подарил я, а булавку — другой парень; Нетта так и не призналась, кто именно. Я прошелся по ящикам, но не нашел ни браслета, ни булавки. Интересно, куда они делись. Неужели отправились в полицейский сейф?

Затем я открыл гардеробный шкаф, и комната тут же наполнилась легким ароматом сирени. Любимые духи Нетты. В шкафу было почти пусто. Остались два вечерних платья, пальто, юбка и халат. Я был изрядно удивлен. В свое время шкаф ломился от одежды.

Платье огненного цвета я помнил хорошо. Оно было на Нетте в ночь нашей первой близости. Сентиментальному парню вроде меня непросто забыть такое платье. Протянув руку, я снял его с вешалки и понял, что к изнанке прикреплено что-то тяжелое.

Я прощупал ткань. Пистолет. Расстегнув платье, я обнаружил вшитый крючок. На нем, зацепившись предохранителем, висел люгер.

Я присел на тахту, держа платье в одной руке, а люгер — в другой. Поразительно. Уж что-что, а пистолет в квартире Нетты я найти не ожидал.

У люгера было две приметные особенности: глубокая царапина на стволе и задир на рукоятке, словно над ней поработали напильником. Должно быть, стачивали имя владельца. Понюхав пистолет, я испытал новое потрясение. Из оружия стреляли, хоть и довольно давно. Запах горелого пороха был несильным, но все же заметным. Положив пистолет на кровать, я почесал в затылке, пару минут подумал, встал и снова подошел к шкафу. Выдвинул два ящика, где Нетта хранила шелковые чулки и нижнее белье. Она была одержима шелковыми чулками. Сколько мы были знакомы, Нетта всегда носила чулки только из шелка. Запаслась ими прямо перед войной, а гости из Америки — и я в том числе — регулярно

пополняли ее коллекцию. Я поворошил вещи в ящиках, но шелковых чулок не нашел.

Потушив сигарету, я хмуро задумался. Возможно, миссис Крокетт заглядывала сюда и забрала чулки. Или полицейские не справились с искушением. Это можно понять, ведь достать шелковые чулки практически нереально. А у Нетты было по меньшей мере двенадцать пар. Два года назад, когда я видел ее в последний раз, их было тридцать шесть. Откуда мне это известно? Однажды вечером Нетта попросила купить ей шелковые чулки. Вывернув содержимое ящика на пол, я пересчитал упаковки, чтобы доказать, что еще одна пара будет лишней. Да, здесь должно быть пар двенадцать, если не больше. И где они?

Я решил обыскать квартиру. В бытность криминальным репортером меня научили, как незаметно обшарить все уголки в доме. Работать придется долго и кропотливо, но мне почему-то казалось, что игра стоит свеч.

Я тщательно, методично обыскал каждую комнату. Ничего не пропуская, разворачивал жалюзи, прощупывал ламбрекены, заглядывал под ковры и простукивал пол.

На полу спальни, возле камина, обнаружилась непришитая доска, а под ней — небольшой тайничок. Раньше в нем, похоже, что-то хранилось, но теперь в тайничке было пусто. В ванной, в рулоне туалетной бумаги, я нашел восемь пятифунтовых купюр. Еще восемь — в гостиной, между репродукцией Варгаса и картонным задником. В банке кольдкрема было спрятано платиновое кольцо с бриллиантом. На вид камень был неплохой. Эту вещицу я раньше не видел. Странное место для кольца. С другой стороны, не более странное, чем те, где я обнаружил пятифунтовые купюры.

Я пошел на кухню и после кропотливых поисков нашел конверт формата «фулскап»; тот был спрятан на дне банки с мукой. Вытащив конверт, я сдул с него муку и прочитал адрес, написанный неаккуратным, размашистым почерком Нетты: «Мисс Энн Скотт, Беверли».

Может, сестра? Задумавшись, я прощупал тяжелый, объемистый конверт. Похоже, внутри целая пачка бумаги.

Все это было необычно, подозрительно, тревожно. А главное — совершенно непонятно.

Убедившись, что на кухне не осталось ничего интересного, я вернулся в гостиную и разложил на столе свои находки: люгер, кольцо с бриллиантом, шестнадцать пятифунтовых купюр и письмо, адресованное Энн Скотт.

Итак, у девушки есть восемьдесят фунтов и кольцо с бриллиантом. Зачем ей сводить счеты с жизнью? Что за проблемы, кроме финансовых, могли толкнуть Нетту на этот поступок? Подобных сложностей я представить себе не мог. На самом деле я был более чем уверен, что Нетта не покончила с собой. Убийство? Если она не убивала себя, значит ее убил кто-то другой. О несчастном случае речь не идет. Таких несчастных случаев не бывает.

Снова закурив, я задумался. Нужно обсудить это дело с полицией. Мне вспомнился инспектор Корридан из Скотленд-Ярда. Когда я жил в Лондоне, мы с ним водили дружбу. Он не раз брал меня в рейды по воровским притонам, а еще помог собрать материал для неплохой статьи в «Сатердей ивнинг пост».

Да, Корридан — именно тот, кто мне нужен. Я тут же потянулся к телефону.

Инспектор ответил не сразу. Я назвал свое имя, и он меня вспомнил.

— Хармас? Рад слышать, — сказал он. — Вам повезло, что застали меня. Я как раз собирался уходить.

— Торóпитесь? — спросил я, взглянув на часы. Было почти девять.

— Хочу домой. У вас что-то срочное?

— Скорее, любопытное, — сказал я. — Нужен ваш совет. Возможно, помощь. Речь о девушке по имени Нетта Скотт. Позапрошлым вечером она покончила с собой.

— Ну-ка, повторите, — резко произнес Корридан.

— Девушку зовут Нетта Скотт. В прошлом мы дружили. Если честно, Корридан, я не могу согласиться с версией о самоубийстве.

Помолчав, он сказал:

— Сегодня вечером у меня нет особых дел. Что предлагаете?

— Давайте встретимся через полчаса в гостинице «Савой». Будет проще, если вы наведете справки о девушке. Любая деталь может оказаться важной. — Я продиктовал ему адрес Нетты.

Он пообещал все разузнать и повесил трубку. Что мне в нем нравилось, так это умение ничему не удивляться. Корридан никогда не задавал кучу ненужных вопросов и всегда был готов прийти на помощь, невзирая на время суток, — даже если был сильно занят.

Я рассовал по карманам пистолет, конверт, кольцо и деньги.

Убедившись, что ничего не пропустил, я выключил свет, открыл входную дверь и вышел на площадку.

Юлиус Коул выставил из квартиры стул и, покуривая, сидел у открытой двери. Похоже, он дожидался меня.

— Почему ты не впустил меня, милый? — спросил он, загадочно улыбаясь. — У тебя тоже не было права там находиться.

— Иди куда подальше, — заметил я, спускаясь по лестнице.

— Не убегай, милый. — Соскользнув со стула, он подошел к лестнице. — Ну как оно там? — Он хихикнул. — Нашел у нее красивые вещички? Ты же, наверное, перебрал всю ее одежду. Жаль, что меня там не было.

Не оглядываясь, я спускался дальше.

Услышав стук в дверь, миссис Крокетт тут же открыла.

— Долго вы копались, — отрывисто сказала она, выхватывая ключ у меня из руки. — Ничего не стащили? Полицейские особо подчеркивали, чтоб все оставалось как есть.

Я покачал головой:

— Все на месте. После ее смерти в квартиру кто-нибудь заходил? Кроме полиции? Например, мистер Коул?

Старуха помотала головой:

— Никто, кроме вас. Вот точно, зря я это...

— Там были шелковые чулки. А теперь их нет, — перебил я. — Вам о них что-нибудь известно?

— На кой мне шелковые чулки? Ничего не знаю! — отрезала она.

Невнятно промывав слова благодарности, я спустился по узкой лестнице к двери подъезда.

Оказавшись на улице, я оглянулся на дом. В квартире Юлиуса Коула горел свет, в остальных окнах было темно. Вспомнив о Мэдж Кеннитт, я решил, что она не вписывается в общую картину — по крайней мере, пока. Ярдах в пятидесяти от меня была Кромвель-роуд. В ее сторону я и направился.

На улице было всего три фонаря: один — в начале, другой — в конце, третий — посередине. Было темно, а в тени зданий — еще темнее. Потому-то меня и удалось застать врасплох.

Услышав шаги за спиной, я внезапно почувал опасность, пригнулся и отпрыгнул в сторону.

Что-то очень твердое ударило меня в плечо, и я рухнул на колени. Взметнув руку, я выпрямился, подался чуть вбок и отскочил назад, заметив темную фигуру. Человек как раз замахивался предметом, похожим на автомобильную монтировку. Он рубанул сплеча. Монтировка просвистела мимо лица; я шагнул вперед и со всей силы врезал парню по ребрам. Отшатнувшись, он выронил монтировку и сдулся, словно проколотый воздушный шарик.

— Что это ты задумал, черт побери? — Не дожидаясь ответа, я двинулся на него.

Теперь мне удалось его рассмотреть. Молодой, тощий, недокормленный коротышка. Лица почти не видно; я лишь заметил, что оно одутловатое. Одежда дешевая, а на голове засаленная, словно пропитанная жиром, шляпа.

Я хотел схватить парня, но тот вывернулся и молнией умчался прочь.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕ МОЕ ДЕЛО	5
ДВОЙНАЯ ПОДТАСОВКА	221
ЗА ВСЕ НАДО ПЛАТИТЬ	447